

ПОЛИТОЛОГИЯ / POLITICAL SCIENCES

УДК 327

Культурная дипломатия Китая в Казахстане: основные инструменты и особенности общественного восприятия

Алибекова Динара Адылбековна

магистрант, Международный университет Ала-Тоо, Кыргызстан, dinara.alibekova@alatoou.edu.kg

Аннотация

В статье рассматривается культурная дипломатия Китая в Казахстане, ее основные инструменты и особенности общественного восприятия. Актуальность темы связана с тем, что роль Китая в Казахстане обычно анализируется через экономическое сотрудничество, инфраструктурные проекты и геополитические изменения в Центральной Азии, тогда как культурные и образовательные каналы влияния изучены менее комплексно. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, через какие механизмы Китай формирует культурное присутствие в Казахстане и как эти усилия воспринимаются в обществе. В работе использованы методы качественного анализа научной литературы, аналитических материалов и открытых источников. Установлено, что наиболее заметными инструментами культурной дипломатии Китая выступают языковое обучение, Институты Конфуция, академические обмены, образовательные программы, медийное присутствие и публичные культурные мероприятия. Вместе с тем их воздействие остается ограниченным, поскольку прагматический интерес к Китаю часто сочетается с настороженностью, опасениями зависимости и ощущением культурной дистанции.

Ключевые слова: культурная дипломатия, Китай, Казахстан, мягкая сила, публичная дипломатия, Институты Конфуция, общественное восприятие, образовательные обмены, Центральная Азия

Для цитирования: Алибекова Д.А. (2026). Культурная дипломатия Китая в Казахстане: основные инструменты и особенности общественного восприятия. *Открытый журнал евразийских исследований*, №2, сс. 11-21. doi: 10.65469/ejournal.2026.2.2

Введение

В последние годы роль Китая в Казахстане чаще всего рассматривается через экономическое сотрудничество, инфраструктурные проекты и геополитические изменения в Центральной Азии. Такой подход объясним: Казахстан занимает важное место в западном направлении китайской внешней политики, а инициатива «Один пояс, один путь» была представлена именно в Астане в 2013 году [3]. Вместе с тем усиление экономического

присутствия Китая не привело автоматически к росту общественного доверия. Напротив, расширение китайского участия в инвестиционной, транспортной и энергетической сфере сопровождалось настороженностью части общества, особенно в вопросах зависимости, земли, суверенитета и долговременных последствий китайского влияния [2; 5].

На этом фоне культурная дипломатия стала важным направлением китайского присутствия в Казахстане. Пекин стремится укреплять свои позиции не только через межгосударственные связи, но и через языковое обучение, образовательные программы, академические обмены, сотрудничество университетов, медийное продвижение, туристические инициативы и публичные культурные мероприятия [1; 2; 11]. Особое место в этой системе занимают Институты Конфуция, которые стали одним из наиболее заметных каналов распространения китайского языка и культуры в Казахстане [7; 12]. Наряду с этим в последние годы усилились попытки Китая адаптировать культурное и информационное присутствие к местной среде, включая использование казахскоязычного контента и локальных форматов коммуникации [8].

Вопрос о китайской «мягкой силе» и публичной дипломатии уже получил отражение в научной литературе. Теоретические основы данного направления были разработаны Дж. Наем, который связывал мягкую силу с привлекательностью культуры, ценностей и внешней политики [1]. Н. Калл рассматривал публичную дипломатию как долговременную работу с зарубежной аудиторией, включающую обмены, культурные программы и формирование устойчивого образа государства [10]. И. д'Хоог показала, что для Китая публичная дипломатия стала частью более широкой стратегии международного позиционирования и формирования образа «ответственной» и «миролюбивой» державы [2]. М. Мирза и соавторы также подчеркивают, что китайский дискурс мягкой силы тесно связан со стремлением представить рост Китая как благоприятный и ненасильственный процесс [11].

Наряду с общетеоретическими подходами в исследованиях по Центральной Азии подчеркивается, что влияние Китая в регионе воспринимается неоднозначно. Г. Кристофферсен и Х. Каррар связывают растущую активность Китая в Центральной Азии с долгосрочными стратегическими интересами, безопасностью западных границ, энергетикой и значением региона для инициативы «Один пояс, один путь» [3; 13]. М. Ларюэль и С. Пейрус показывают, что «китайский вопрос» в Центральной Азии затрагивает не только межгосударственные отношения, но и внутренний социальный порядок, общественные страхи и изменения в восприятии внешнего актора [4]. Р. Вандерхилл, С. Джойрман и Р. Тулепбаева приходят к выводу, что китайская мягкая сила в Центральной Азии остается заметно слабее, чем ее экономическое и стратегическое присутствие, поскольку общественная реакция определяется исторической памятью, асимметрией сил и социальными опасениями [9].

Исследования, посвященные именно Казахстану, также демонстрируют сложность общественного восприятия Китая. По данным Р. Ошакбаева, Ф. Жакыповой, Б. Иссаева и К. Колесник, общее отношение к Китаю в казахстанском обществе скорее нейтральное, чем однозначно позитивное, причем образовательный уровень связан с более благоприятными оценками [5]. З. Арынов, анализируя интервью с казахстанскими студентами и выпускниками китайских университетов, показывает, что непосредственный опыт контакта с Китаем снижает влияние упрощенных представлений о «китайской угрозе», однако не устраняет чувства культурной дистанции и опасений зависимости [6]. М. Экстром отмечает, что Институты Конфуция создают устойчивую инфраструктуру языкового и культурного присутствия, но не обеспечивают автоматического роста симпатии к Китаю [7]. Б. Дукейев, в свою очередь,

подчеркивает, что Китай был вынужден адаптировать стратегию мягкой силы к локальным реалиям Казахстана, расширяя работу в сфере образования, медиа и публичной культуры [8].

Тем не менее существующие исследования нередко рассматривают либо инструменты культурной дипломатии, либо общественное восприятие Китая, но не всегда соединяют эти две линии анализа в рамках одного исследования. В связи с этим сохраняется необходимость комплексного рассмотрения того, через какие каналы Китай формирует культурное присутствие в Казахстане и как эти каналы воспринимаются обществом. Научная новизна статьи состоит в комплексном анализе культурной дипломатии Китая в Казахстане через призму ее основных инструментов и особенностей общественного восприятия. Цель данной статьи состоит в анализе основных инструментов культурной дипломатии Китая в Казахстане и выявлении особенностей их общественного восприятия. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: определить ключевые каналы культурного присутствия Китая; рассмотреть роль образовательных и языковых программ; проанализировать общественные оценки китайского влияния; выявить факторы, ограничивающие эффективность культурной дипломатии.

Методология исследования

В данной статье используется качественный исследовательский подход, поскольку тема культурной дипломатии связана не только с институциональными формами сотрудничества, но и с восприятием, интерпретацией и социальными реакциями на внешнее культурное влияние. Такой подход позволяет рассмотреть не только сами инструменты культурной дипломатии Китая в Казахстане, но и особенности их общественного восприятия. В методологическом плане работа опирается на представление о том, что эффективность публичной дипломатии определяется не только набором внешнеполитических инструментов, но и реакцией принимающей аудитории [1; 10].

В качестве основного исследовательского дизайна применяется кейс-стади, ориентированный на анализ Казахстана как отдельного национального случая. Выбор Казахстана обусловлен тем, что эта страна занимает важное место в китайской политике в Центральной Азии, а китайское присутствие в ней носит одновременно экономический, политический и культурный характер [3; 13]. При этом Казахстан представляет особый интерес, поскольку расширение сотрудничества с Китаем сопровождается не только ростом образовательных и культурных контактов, но и неоднозначным общественным отношением к усилению китайского влияния [4; 5].

Эмпирическую базу исследования составили научные статьи, аналитические материалы, экспертные обзоры, а также отдельные институциональные и информационные источники, посвященные китайской культурной дипломатии, публичной дипломатии, Институтам Конфуция, образовательным обменам и общественному восприятию Китая в Казахстане [2; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12]. Основное внимание уделено тем источникам, которые позволяют проследить две взаимосвязанные линии анализа: во-первых, через какие каналы Китай формирует свое культурное присутствие в Казахстане; во-вторых, как эти каналы воспринимаются в казахстанском обществе.

В исследовании использован метод качественного анализа документов. На основе изученных материалов были выделены основные направления китайской культурной дипломатии в Казахстане: языковое и образовательное продвижение, академические обмены,

культурные мероприятия, медийное присутствие, туристические инициативы и символические формы публичного взаимодействия. Одновременно анализировались оценки этих инструментов в общественном мнении, включая прагматическое восприятие Китая как источника возможностей, а также настороженность, связанную с вопросами зависимости, суверенитета и культурной дистанции [5; 6; 8].

Следует отметить и ограничения исследования. Настоящая статья не опирается на собственные интервью или авторский социологический опрос, а строится на анализе уже существующих научных и аналитических материалов. Поэтому она не претендует на исчерпывающее описание всех общественных настроений в Казахстане. Вместе с тем выбранный подход позволяет комплексно рассмотреть проблему и выявить основные тенденции в сочетании инструментов китайской культурной дипломатии и особенностей их восприятия в казахстанском обществе. Перспективным направлением дальнейшей работы может стать сопоставление казахстанского случая с другими странами Центральной Азии и включение полевых данных.

Результаты

1. Образовательные и языковые инструменты как основа культурного присутствия Китая

Проведенный анализ показывает, что наиболее устойчивым и заметным направлением культурной дипломатии Китая в Казахстане является образовательная и языковая политика. Центральное место здесь занимают Институты Конфуция, программы академической мобильности, сотрудничество между университетами и продвижение китайского языка как ресурса профессионального и социального роста [7; 12]. Образовательная сфера стала для Китая удобным каналом долгосрочного присутствия, поскольку она позволяет не только распространять язык и культурные символы, но и формировать устойчивые институциональные связи с университетской средой.

Одним из наиболее заметных каналов китайского культурного присутствия стали Институты Конфуция. Их деятельность включает преподавание китайского языка, проведение культурных мероприятий, организацию конкурсов, консультации по обучению в Китае и участие в академических обменах. С институциональной точки зрения это создает устойчивую инфраструктуру культурного влияния и позволяет Китаю присутствовать в образовательной среде Казахстана на постоянной основе [7; 12]. Важным является и то, что данные институты размещены в значимых университетских центрах, что усиливает их видимость и символическую роль.

Однако значение этих инструментов не следует переоценивать. Исследования показывают, что в большинстве случаев интерес к китайскому языку и образованию носит прежде всего прагматический характер. Китайский язык часто воспринимается как полезный навык для будущей работы, бизнеса, перевода и взаимодействия с китайскими компаниями [6; 7]. Иными словами, образовательное сотрудничество нередко вызывает интерес не потому, что Китай воспринимается как привлекательная культурная модель, а потому, что он рассматривается как источник конкретных возможностей.

В этом смысле образовательная дипломатия Китая в Казахстане демонстрирует двойственный эффект. С одной стороны, она действительно расширяет контакты, снижает

информационную дистанцию и повышает уровень знакомства с китайским языком и системой образования. С другой стороны, она не всегда приводит к росту культурной близости или доверия к Китаю. Даже среди тех, кто имеет непосредственный опыт обучения в Китае, сохраняются опасения, связанные с чрезмерной зависимостью от Китая и с восприятием его как цивилизационно «другого» государства [6].

2. Медийное и публично-культурное продвижение Китая в Казахстане

Помимо образовательных и языковых инструментов, важным направлением культурной дипломатии Китая в Казахстане выступают медийное присутствие, публичные культурные мероприятия, туристические инициативы и различные формы символического взаимодействия. В последние годы китайская сторона стремится расширить свое присутствие не только через официальные каналы, но и через более широкую работу с общественной аудиторией. Речь идет о культурных форумах, выставках, днях культуры, туристических проектах, переводе и распространении медиаконтента, а также о попытках использовать локально адаптированные форматы взаимодействия [2; 8].

Особое значение имеет то, что китайское культурное присутствие в Казахстане становится более адаптированным к местной среде. По наблюдению Б. Дукейева, китайские акторы все активнее используют казахскоязычные каналы коммуникации, а также стремятся сделать образ Китая более понятным и приемлемым для широкой аудитории через локализованные медиа- и культурные форматы [8]. Это показывает, что Пекин уже не ограничивается простой демонстрацией своей культуры, а пытается учитывать особенности принимающего общества и работать с его информационным пространством.

Дополнительным инструментом становятся туризм и публичные культурные события. Развитие безвизового режима, продвижение туристических программ, проведение культурных форумов и мероприятий направлены на снижение социальной дистанции и формирование более привычного образа Китая как партнера по обменов и контактам [8]. В этом плане культурная дипломатия Китая приобретает более многоуровневый характер: она действует не только через университеты и языковые центры, но и через публичную сферу, стремясь укрепить социальную видимость китайского присутствия в Казахстане.

Вместе с тем результаты показывают, что расширение публично-культурного присутствия не приводит автоматически к устойчивому доверию. Даже при росте числа культурных инициатив их влияние остается ограниченным, поскольку общественное восприятие Китая формируется не только под влиянием культурных программ, но и под воздействием более широких политических, экономических и социальных представлений [5; 8; 9]. Иначе говоря, публичные мероприятия повышают узнаваемость и создают дополнительные каналы контакта, но не устраняют те опасения, которые уже существуют в общественном сознании.

3. Общественное восприятие Китая: между прагматизмом и настороженностью

Второй важный результат исследования состоит в том, что отношение к Китаю в Казахстане остается неоднозначным. Его нельзя охарактеризовать ни как однозначно позитивное, ни как полностью негативное. Скорее речь идет о сочетании прагматического принятия и устойчивой настороженности [5; 6].

Согласно исследованию Р. Ошакбаева, Ф. Жакыповой, Б. Иссаева и К. Колесник, общее отношение к Китаю в казахстанском обществе в среднем является нейтральным [5]. При этом

более позитивно воспринимаются вопросы, связанные с экономическим сотрудничеством и инвестициями, тогда как культурно-образовательное направление вызывает более сдержанные оценки. Это особенно важно для данной статьи, поскольку показывает: экономическое присутствие Китая воспринимается обществом легче, чем его культурное влияние.

Работы, посвященные казахстанским студентам и выпускникам китайских вузов, также подтверждают эту сложность. Непосредственный опыт жизни и учебы в Китае часто снижает влияние упрощенных представлений о «китайской угрозе» и формирует более рациональное отношение к Китаю как к источнику образования, карьеры и международных возможностей [6]. Однако даже в этих группах положительное восприятие Китая не означает полной культурной идентификации. Наоборот, во многих случаях сохраняется ощущение культурной дистанции, а Китай продолжает восприниматься как сильный, но «чужой» цивилизационный центр [6].

Показательно и то, что более благожелательное отношение к Китаю чаще проявляется там, где есть непосредственный контакт, информационная осведомленность и опыт взаимодействия. Это означает, что негативные оценки нередко усиливаются в условиях недостатка информации, доминирования слухов и политизированных интерпретаций китайского присутствия [5; 8]. Однако даже повышение осведомленности не устраняет всех опасений, поскольку они связаны не только с дефицитом знаний, но и с более широкими вопросами символической и политической безопасности.

4. Пределы эффективности культурной дипломатии Китая

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что культурная дипломатия Китая в Казахстане является заметной и институционально оформленной, однако ее эффективность носит избирательный характер. Китай сумел создать устойчивые каналы культурного присутствия, расширить образовательные связи, увеличить академические контакты и усилить публичную видимость своего культурного образа. Тем не менее эти усилия не привели к полному преодолению общественной настороженности [5; 7; 8].

Одним из ключевых ограничений является то, что культурная дипломатия сталкивается с уже сложившимися общественными установками. В казахстанском случае к ним относятся опасения экономической зависимости, настороженность в вопросах суверенитета, страх перед чрезмерным усилением Китая и восприятие его как внешнего и культурно дистанцированного актора [4; 5; 6]. Даже там, где китайские инициативы вызывают практический интерес, это не означает автоматического формирования позитивного эмоционального отношения. Прагматическое сотрудничество и культурная близость оказываются разными уровнями восприятия, и переход от одного к другому происходит далеко не всегда.

Особенно важным является различие между видимостью и легитимностью. Китай действительно стал более заметным в образовательной, медийной и культурной сферах Казахстана. Однако социальная легитимация этого присутствия остается неполной. Именно поэтому наиболее точным представляется вывод не о полном успехе или неудаче китайской культурной дипломатии, а о ее селективной эффективности: она успешна в создании контактов и возможностей, но значительно менее успешна в формировании долговременного доверия и устойчивой культурной симпатии.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что культурная дипломатия Китая в Казахстане не может рассматриваться изолированно от более широкого политического и социального контекста. Формально Китай располагает достаточно широким набором инструментов: образовательные программы, Институты Конфуция, университетское сотрудничество, медийное продвижение, туристические инициативы и культурные мероприятия. Эти каналы действительно расширяют присутствие Китая в общественном пространстве Казахстана и делают его более заметным актором [2; 7; 8]. Однако реальное влияние этих инструментов зависит не только от их количества и институциональной устойчивости, но и от того, как они воспринимаются в обществе.

В этом отношении казахстанский случай показывает важное различие между контактом и доверием. Китай смог расширить число точек соприкосновения с казахстанским обществом, особенно в образовательной и академической сфере. Но расширение контактов не привело к равномерному росту симпатии. Напротив, анализ показывает, что общественное восприятие Китая сохраняет двойственный характер: интерес к возможностям сочетается с опасениями зависимости и культурной дистанции [5; 6]. Это согласуется с более общими выводами исследований по публичной дипломатии и мягкой силе, согласно которым привлекательность внешнего актора определяется не только тем, что он предлагает, но и реакцией принимающей аудитории [1; 10].

Особенно показательным является то, что наиболее успешным направлением китайской культурной дипломатии в Казахстане являются те инструменты, которые связаны с практической выгодой. Обучение китайскому языку, учеба в Китае, академические обмены и профессиональные перспективы воспринимаются значительно лучше, чем абстрактные попытки улучшить образ Китая. Следовательно, китайская культурная дипломатия в Казахстане производит прежде всего прагматическое вовлечение, а не глубокую культурную близость. Этот вывод представляется важным, поскольку позволяет более точно оценить пределы мягкой силы в условиях, когда внешняя культурная активность сталкивается с устойчивыми общественными сомнениями [6; 7; 8].

Научная значимость проведенного анализа заключается в том, что он соединяет два направления, которые часто рассматриваются отдельно: инструменты культурной дипломатии и особенности их общественного восприятия. В ряде работ исследуются либо сами каналы китайского культурного присутствия, либо общественные оценки Китая в Казахстане [5; 6; 7]. В данной статье показано, что для более точного понимания китайского влияния необходимо рассматривать их совместно. Только в таком случае становится ясно, почему заметное расширение культурных и образовательных инициатив не ведет к пропорциональному росту доверия.

Практическое значение статьи состоит в том, что ее выводы позволяют точнее понять пределы культурной дипломатии как инструмента внешнего влияния. Казахстан показывает, что культурные программы могут укреплять каналы связи и институциональное взаимодействие, однако они не способны сами по себе преодолеть глубоко укорененные общественные страхи и политические сомнения. Для Китая это означает необходимость дальнейшей адаптации своих подходов; для исследователей международных отношений, важность учета локальной реакции, а не только внешнеполитических намерений государства. Дополнительного внимания заслуживает вопрос о том, как китайская культурная дипломатия соотносится с уже сложившимися идентификационными и внешнеполитическими

ориентирами Казахстана. В общественном сознании китайское присутствие оценивается не в пустом пространстве, а на фоне исторического опыта, постсоветской трансформации, взаимодействия с Россией, Турцией, западными странами и другими внешними акторами. Поэтому культурные инициативы Китая входят в уже насыщенное символическое поле, где они конкурируют не только с негативными представлениями о рисках зависимости, но и с существующими культурными и политическими ориентирами казахстанского общества. Это обстоятельство дополнительно ограничивает возможности Китая превратить практическое сотрудничество в более глубокую культурную привлекательность.

Важным является и различие между элитным и массовым уровнями восприятия. На уровне официальных и академических контактов китайская культурная дипломатия выглядит более успешной: междуниверситетские соглашения, языковые программы, научные мероприятия и обмены демонстрируют устойчивое развитие. Однако на массовом уровне это не всегда трансформируется в аналогичный рост доверия. Данное расхождение показывает, что институциональное укрепление связей не следует автоматически отождествлять с широкой общественной поддержкой. Для исследователя международных отношений это означает необходимость разграничивать эффективность на уровне институтов и эффективность на уровне социальной легитимации.

С практической точки зрения полученные результаты также показывают, что оценка культурной дипломатии должна учитывать не только интенсивность деятельности внешнего актора, но и качество обратной связи со стороны принимающего общества. Если образовательные и культурные программы не сопровождаются более прозрачной коммуникацией, вниманием к чувствительным вопросам и учетом локальных страхов, их эффект оказывается ограниченным. Следовательно, дальнейшее изучение китайского культурного присутствия в Казахстане требует не только фиксации самих программ и инициатив, но и анализа того, какие из них вызывают доверие, какие остаются нейтральными, а какие, напротив, могут усиливать уже существующую настороженность.

Заключение

В статье были рассмотрены основные инструменты культурной дипломатии Китая в Казахстане и особенности их общественного восприятия. Проведенный анализ показал, что китайское культурное присутствие в Казахстане реализуется прежде всего через образовательные и языковые программы, Институты Конфуция, академические обмены, медийное продвижение, публичные культурные мероприятия и туристические инициативы. Эти инструменты формируют устойчивую инфраструктуру присутствия Китая и расширяют каналы взаимодействия с обществом.

В то же время их воздействие нельзя считать однозначно успешным. Восприятие Китая в Казахстане остается неоднозначным и сочетает элементы прагматического принятия с настороженностью. Китай часто рассматривается как важный экономический партнер и источник образовательных возможностей, однако это не устраняет опасений, связанных с зависимостью, вопросами суверенитета и культурной дистанцией. В результате культурная дипломатия Китая наиболее эффективна в сфере создания контактов и практических возможностей, но заметно менее эффективна в формировании устойчивого доверия и культурной близости.

Таким образом, казахстанский случай показывает, что культурная дипломатия может расширять видимость внешнего актора и укреплять институциональные связи, но ее возможности остаются ограниченными, если общественное восприятие определяется не только культурным интересом, но и более широкими политическими и социальными опасениями. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении внешнеполитических инструментов Китая в Центральной Азии, а также при анализе общественного восприятия внешнего культурного влияния в странах региона. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сравнительный анализ восприятия китайской культурной дипломатии в других странах Центральной Азии, а также изучение роли медиа и молодежной среды в формировании отношения к Китаю.

Источник финансирования исследования: исследование выполнено без внешнего финансирования.

Список литературы

1. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616. – No. 1. – P. 94–109.
2. d’Hooghe I. *The Rise of China’s Public Diplomacy*. – The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2007. – 41 p.
3. Christoffersen G. *China’s Strategic Thinking toward Central Asia, 2013–2024* // *The Asan Forum*. – 2024.
4. Laruelle M., Peyrouse S. *The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor*. – London: Hurst, 2012. – 295 p.
5. Oshakbayev R., Zhakypova F., Issayev B., Kolesnik X. *Assessment of Perception of China in the Kazakhstani Society: Myths and Reality* // *Central Asia and the Caucasus*. – 2021. – Vol. 22. – No. 2. – P. 18–43.
6. Arynov Z. *Educated into Sinophilia? How Kazakh Graduates/Students of Chinese Universities Perceive China* // *Journal of Current Chinese Affairs*. – 2022. – Vol. 52. – No. 2. – P. 1–20.
7. Ekstrom M. *The Effectiveness of Confucius Institutes in Promoting Chinese Soft Power in Kazakhstan* // *Modern Diplomacy*. – 2021. – September 15.
8. Dukeyev B. *How Local Realities Compelled China to Adapt Its Soft-Power Strategy in Kazakhstan* // *Carnegie Endowment for International Peace*. – 2024.
9. Vanderhill R., Joireman S. F., Tulepbayeva R. *In the Shadow of the Dragon: Chinese Soft Power in Central Asia* // *International Affairs*. – 2025. – Vol. 101. – No. 4. – P. 1441–1461.
10. Cull N. J. *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. – Los Angeles: Figueroa Press, 2009. – 62 p.
11. Mirza M. N., Abbas H., Nizamani M. Q. *Evaluating China’s Soft Power Discourse: Assumptions, Strategies, and Objectives* // *Global Strategic & Security Studies Review*. – 2020. – Vol. 5. – No. 4. – P. 40–50.
12. Liang Z. *China’s Cultural Diplomacy in Central Asia in the 21st Century: The Case of Confucius Institutes* // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2017. – № 1. – С. 33–46.
13. Karrar H. H. *The New Silk Road Diplomacy: China’s Central Asian Foreign Policy since the Cold War*. – Vancouver: University of British Columbia Press, 2018. – 320 p.

Евразия изилдөөлөрү ачык журналы, 2026, №2, бб. 11-21

doi: 10.65469/ejournal.2026.2.2

ejournal.ilimbilim.kg

ПОЛИТОЛОГИЯ / POLITICAL SCIENCES

УДК 327

Казакстандагы Кытайдын маданий дипломатиясы: негизги инструменттери жана коомдук кабыл алуунун өзгөчөлүктөрү

Алибекова Динара Адылбековна

магистрант, Ала-Тоо Эл аралык Университети, Кыргызстан, dinara.alibekova@alatoe.edu.kg

Аннотация

Макалада Кытайдын Казакстандагы маданий дипломатиясы, анын негизги инструменттери жана коомдук кабыл алуунун өзгөчөлүктөрү каралат. Теманын актуалдуулугу Кытайдын Казакстандагы ролу көбүнчө экономикалык кызматташтык, инфраструктуралык долбоорлор жана Борбор Азиядагы геосаясий өзгөрүүлөр аркылуу талданып келгендиги, ал эми маданий жана билим берүү каналдары жетиштүү деңгээлде комплекстүү изилденбей калгандыгы менен түшүндүрүлөт. Изилдөөнүн максаты – Кытай Казакстанда өзүнүн маданий катышуусун кайсы механизмдер аркылуу түзүп жатканын жана бул аракеттер коомдо кандай кабыл алынып жатканын аныктоо. Макала сапаттык ыкмага таянып, илимий адабияттарды, аналитикалык материалдарды жана ачык булактарды талдоого негизделет. Изилдөөнүн жыйынтыгында Кытайдын маданий дипломатиясынын эң көрүнүктүү инструменттери катары тил үйрөтүү, Конфуций институттары, академиялык алмашуулар, билим берүү программалары, медиа катышуусу жана коомдук маданий иш-чаралар белгиленди. Ошол эле учурда алардын таасири чектелүү бойдон калууда, анткени Кытайга болгон прагматикалык кызыгуу көбүнчө этияттык, көз карандылыкка байланышкан кооптонуу жана маданий аралык сезими менен коштолот.

Ачык сөздөр: маданий дипломатия, Кытай, Казакстан, жумшак күч, коомдук дипломатия, Конфуций институттары, коомдук кабыл алуу, Борбордук Азия

Open Journal of Eurasian Issues, 2026, no. 2, pp. 11-21

doi: 10.65469/ejournal.2026.2.2

ejournal.ilimbilim.kg

ПОЛИТОЛОГИЯ / POLITICAL SCIENCES

УДК 327

China's Cultural Diplomacy in Kazakhstan: Main Instruments and Features of Public Perception

Dinara Adylibekovna Alibekova

Master's Student, Ala-Too International University, Kyrgyzstan, dinara.alibekova@aladoo.edu.kg

Abstract

The article examines China's cultural diplomacy in Kazakhstan, its main instruments, and the specific features of public perception. The relevance of the topic lies in the fact that China's role in Kazakhstan is usually discussed through economic cooperation, infrastructure projects, and geopolitical changes in Central Asia, while cultural and educational channels of influence receive less integrated attention. The purpose of the study is to identify the mechanisms through which China builds its cultural presence in Kazakhstan and to assess how these efforts are perceived by society. The article applies qualitative analysis of academic literature, analytical materials, and open sources. It finds that the most visible instruments of China's cultural diplomacy are language promotion, Confucius Institutes, academic exchanges, educational programs, media outreach, and public cultural events. At the same time, their influence remains limited because pragmatic interest in China often coexists with caution, fears of dependence, and a sense of cultural distance.

Keywords: cultural diplomacy, China, Kazakhstan, soft power, public diplomacy, Confucius Institutes, public perception, Central Asia